

УДК-321.1

**ПРАКТИКА ЭТНИЧЕСКОЙ МОБИЛИЗАЦИИ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ
ТЕОРИИ НАЦИОНАЛИЗМА ДЖОНА ХАТЧИНСОНА
(НА ПРИМЕРЕ КРЯШЕНСКОГО ДВИЖЕНИЯ)**

*А. Е. Денисов*¹

В статье анализируется теория национализма Джона Хатчинсона и впервые делается попытка изучить кряшенское движение в контексте данной теории. В ходе исследования определяются ключевые характеристики кряшенского движения (конструкт этнополитической мобилизации; первоначальная особая роль православных миссионеров; этапы чередования культурного и политического национализма; особенности идентичности; особое значение мифа о происхождении и др.)

Ключевые слова: арийский миф; Джон Хатчинсон; идентичность; интеллигенция; кряшены; национализм; национальные движения; национальные символы; родноверие; этническая мобилизация.

Исследования, посвящённые национализму, механизму «национального строительства», этнической и этнополитической мобилизации волнуют учёных всего мира и, возможно, никогда не потеряют своей актуальности. Этно-символическое направление в исследовании национализма является одним из современных подходов, которое широко распространено в зарубежных академических кругах. Одним из представителей этого направления является Джон Хатчинсон.

Целью статьи является анализ кряшенского движения через теорию Джона Хатчинсона (разновидность этносимволического подхода к исследованию национализма). Для этого автором применялось включённое наблюдение в общественно-политической среде республики Татарстан; ивент-анализ, благодаря средствам массовой информации, и особая роль была уделена мониторингу групп, посвящённых кряшенам, в социальных сетях.

Этносимволическое направление возникло как результат рефлексии по поводу крайностей примордиализма и конструктивизма. С одной стороны, этносимволизм уходит от понимания наций и этносов как вечных, устойчивых категорий, но при этом и критично относится к мнению о том, что все

¹ Денисов Андрей Евгеньевич – научный сотрудник Центра исламоведческих исследований Академии наук Республики Татарстан. E-mail: Count-Denisov@yandex.ru.

© Денисов А. Е., 2017

нации возникли в результате проектов по их конструктивизации без должной первоначальной составляющей. Важное значение в этносимволизме играют мифы, воспоминания, ценности, традиции и символы.

Интеллектуалы занимают важное место в теории Хатчинсона. Он представляет этот образованный слой не как «антрепренёров», а в качестве «летописцев» этнического прошлого, которые помогают связать современную нацию с её «золотым веком» [14, 22]. В отличие от инструментализма, интеллектуалы являются не «изобретателями» традиций, а их фиксаторами во времени.

При этом мы не можем полностью согласиться и с Дж. Хатчинсоном, и с этносимволическим направлением, в целом, в трактовке роли интеллигенции как «летописцев» этнического прошлого. Во-первых, вызывает большое сомнение, что этнические интеллектуалы смогут беспристрастно относиться к истории своего народа. Во-вторых, если мы даже говорим о том, что данная прослойка людей не изобретает традиции, а опирается на уже существующее наследие (главным образом символическое), нельзя утверждать, что это наследие уже не было сконструировано ранее. В-третьих, нельзя исключать исторические неточности, вследствие недостатка информации. Недостаточность информации может повлечь за собой «дополнение» исторического багажа своего народа новыми традициями.

При изучении взглядов Дж. Хатчинсона на национализм нельзя не обратить внимание на различие между политическим и культурным национализмом. Национальная идентичность имеет важнейшее значение для современных государств. Сохранение национальной идентичности стало вопросом их жизнеспособности.

Дж. Хатчинсон считает, что культурный национализм имеет самостоятельную силу, но он активизируется только в тех случаях, когда политический национализм слабеет или же терпит поражение. При несостоятельности политического национализма культурный национализм может предложить новые модели этнической мобилизации представителей сообщества. При этом культурный национализм затрагивает значительно больший массив населения, которое прежде было пассивным. Парадокс заключается в том, что со временем культурный национализм может уступить дорогу политическому, который будет уже опираться на хорошую базу поддержки, созданную благодаря культурному национализму.

При изучении взглядов на природу национализма Дж. Хатчинсона нельзя не затронуть тему войн и их роль в складывании национальных мифов и конструирования идентичности.

Действительно, борьба за политическую гражданственность часто была связана с готовностью пожертвовать собой ради нации. Идея самопожертвования связана с концепцией Э. Смита, где нации являются моральными сообществами. Кровь «жертвы за народ» рассматривалась в качестве важного ри-

туала в становлении нации в прошлые века. И действительно, для многих националистов XIX в. право на национальную независимость было неразрывно связано с войной и боевыми действиями.

Для этносимволистов (в особенности у Дж. Хатчинсона) война – это, действительно, память (приравнивается с мифом), а не опыт войны, что важно. Без памяти нет национального самосознания, и войны в этом отношении имеют большое значение, поскольку являются одним из основных вкладчиков в формирование коллективных мифов и воспоминаний.

Дж. Хатчинсон, описывая роль войн в создании или воссоздании национальной идентичности, говорит о так называемом «мифе о войне». Он полагает, что войны часто действуют как «мифомотор» (эксклюзивный термин Дж. Хатчинсона) в конструировании разного рода мифов в сознании населения, став организационной основой для объяснения разного рода событий и оценки их места в мире для определённой нации [17, 52].

Дж. Хатчинсон делает фундаментальное замечание по поводу своих взглядов на природу национализма – «нация может быть сформирована только как повторяющийся процесс снизу» [16, 18–19]. Данная идея заключается в том, что мы переходим в постнациональный век множественности лояльностей и для «выживания» государств необходимо будет искать общие основы для будущего национального развития.

Теорию Джона Хатчинсона можно проиллюстрировать на примере кряшенского движения в России (в частности, в Татарстане).

В современной научной и общественно-политической дискуссии «кряшенский вопрос» возник на рубеже 1980–1990-х гг. в период ослабления государственной власти в Советском Союзе и параллельно с этим с ростом национального и этнического самосознания у населения страны. В 1990-х гг. разгорелась широкая дискуссия об этнической принадлежности кряшен. Национальные кряшенские активисты требовали признания своей этнокультурной группы как отдельной этнической единицы. В настоящее время принято считать, что кряшены являются субконфессиональной группой внутри татарского этноса [12, 12; 15].

Вплоть до конца XIX в. было общераспространённое деление татарского населения на две группы (татары-мусульмане и татары-христиане). Последняя группа [татары-христиане] делилась, в свою очередь, на две подгруппы: старокрещённые татары-христиане и, соответственно, новокрещённые.

Нельзя игнорировать того факта, что многие из старокрещённых татар приняли христианство ещё до завоевания Иваном Грозным Казанского ханства в 1552 г. Это потомки христианской общины в древних Булгарах (Авраамий Болгарский и его последователи) и те, кто принял христианство самостоятельно до 1552 г. Но всё же нельзя не учитывать то, что большинство будущих старокрещённых татар приняло христианство в XV–XVI вв.

Совершенно другую ситуацию мы наблюдаем с новокрещёнными татарами в середине XVIII в., когда епископом Казанским и Свияжским был Лука (Конашевич). При его нахождении на казанской кафедре была образована «Контора новокрещенских дел», которая отличалась принудительным характером обращения в христианство народов, проживающих в крае [4, 26].

В период правления Екатерины II были приняты новые законы, которые запрещали насильственную христианизацию местного населения. Стоит отметить, что в этот период численность новокрещённых татар значительно уменьшилась. Это произошло из-за того, что многие «новокрещённые» татарские деревни подали прошение о возвращении в ислам [9, 147]. Это было вызвано, своего рода, фиктивностью христианского вероисповедания у многих новокрещённых татар. Можно предположить, что «Контора новокрещенских дел» не проводила обряды крещения во многих деревнях, а лишь документально «приписывала» население к христианам. В тех деревнях татары продолжали исповедовать ислам.

В XIX в. в среде новокрещённых татар началось широкое движение за обратный переход в мусульманскую веру. Массовые переходы стали возможны лишь после 1905 г. (Указ «Об укреплении начал веротерпимости» и Манифеста «Об усовершенствовании государственного порядка»). Приверженцы мусульманской религии (те, кто сохранил её, будучи формально православным) из пассивного состояния стали открыто переходить в ислам, так как после вышеуказанного года фактически уголовное преследование за переход из одной веры в другую прекратилось [6, 205].

При всех этих процессах было очень мало случаев перехода в ислам представителей старокрещённых татар. В настоящее время большинство крещен считают себя их потомками [1].

Перейдём к рассмотрению роли интеллигенции в крещенском национальном движении.

Как нам уже известно, Хатчинсон видит интеллигенцию в качестве «летописцев», которые не «изобретают» традиции, а фиксируют их во времени. И действительно, если посмотреть на первых крещенских просветителей (Н. Ильминского и В. Тимофеева), то мы увидим, что никаких новых традиций в среде татар-христиан не изобретается, а фиксируется роль религии в самосознании населения.

Н. Ильминский, В. Тимофеев и другие просветители способствовали всестороннему формированию крещенской идентичности и самосознанию. Особенно необходимо отметить особую роль образования на первом этапе этнополитической мобилизации крещен. До деятельности Н.И. Ильминского в крещенской среде фактически не было хоть как-то образованных людей. В первую очередь, это надо связывать с преимущественным расселением людей в сельской местности, отсутствием письменности (алфавита) и невозможностью получения образования.

Последний тезис необходимо пояснить. Кряшены как народ, говорящий практически только на своём языке (диалект татарского языка), не мог получить азы образования в церковно-приходских школах и в светских учреждениях, так как язык обучения был там русским. В то же время православное вероисповедание не давало возможности получить образование в медресе. Е. В. Баркаръ, специалист по данному этапу истории кряшен, подчёркивает, что часто были случаи перехода в ислам кряшен именно по причине возможности получения образования [2, 45].

Заслуга Н. Ильминского и его ближайшего помощника В. Тимофеева в формировании кряшенской идентичности заключается в том, что были открыты первые учебные заведения, где люди могли обучаться на родном языке. Это, конечно, кряшено-татарская школа, созданная вначале как «кружок» для односельчан В. Тимофеевым, а позже ставшая культурным центром кряшенского движения. Именно благодаря ей и появляется первая интеллигенция (образованные люди – учителя, врачи, священнослужители, управленцы, литераторы). В совокупности с этим, создание кряшенского алфавита на основе кириллицы (в отличие от татар-мусульман, у которых алфавит был на основе арабской графики) способствовало усилению этнической идентичности кряшен.

Теперь рассмотрим особенную взаимосвязь политического и культурного национализма в теории Джона Хатчинсона на проекции кряшенского движения.

В теории при несостоятельности политического национализма на его место приходит культурный национализм, который предлагает новые модели этнической мобилизации представителей сообщества. Если мы посмотрим на историю кряшенского движения, то увидим, что данное чередование национализмов вполне ярко можно проследить с середины XIX в. до наших дней.

Условно можно выделить 5 этапов.

Первый этап начинается с деятельности православных миссионеров в среде крещённых татар и заканчивается временным интервалом 1914–1917 гг. При этом всё же надо с осторожностью относить этот период именно как к «национализму», так как это были только первые шаги к формированию особенного самосознания в среде старокрещённого татарского населения. Назовём этот временной отрезок «культурным преднационализмом», который создавался «прединтеллигенцией» [православными просветителями].

Второй этап уже проходит как первая волна кряшенского политического национализма. Длился он примерно с 1917 по конец 20-х гг. XX в. Распад Российской империи и всплеск самосознания народов России затронул и татарский народ (и кряшен, соответственно). Именно в этот период происходит разрыв в сознании кряшен с остальным татарским этносом. В это время, в 1917 г., в газете «Кряшен» выдвигается тезис о кряшенах как отдельной нации [3, 86].

Были даже мысли создания автономии кряшен в Челнинском кантоне во время гражданской войны (современный Тукаевский район Татарстана).

Третий этап выпадает на период с конца 1920-х гг. до конца 80-х гг. XX в. Данное время характеризуется «затишьем» всякого рода национализма и вообще кряшенского движения. Можно образно сказать, что произошло «закрытие в себе» кряшенского населения.

Четвёртый этап можно выделить с конца 1980-х гг. до переписи населения в 2002 г. В этот период поднимается вторая волна кряшенского политического национализма. На рубеже 80–90-х гг. XX в. на одной из конференций, которая была организована кряшенскими активистами, была принята декларация «О самоопределении кряшен как этноса» [3, 86]. Лейтмотивом данного документа была идея о кряшенах как отдельном и самостоятельном этносе. В дальнейшем именно на основании этого тезиса кряшенские активисты стали пропагандировать в период переписи 2002 г. среди населения необходимость зафиксировать свою [кряшенскую] «национальность». Это встречало справедливую негативную реакцию со стороны, например, академического сообщества в Татарстане. Предлагался компромиссный вариант учитывать все субэтнические и субконфессиональные группы татарского народа, но в рамках татарского этноса [5, 23]. Кстати, в переписи 2010 г. данный вариант учёта был внедрён.

Пятый этап начинается с переписи населения 2002 г. и продолжается в наши дни. Политический национализм кряшенских лидеров показал свою несостоятельность, так как очень мало людей откликнулись на их призывы. В дальнейшем активисты движения поняли необходимость изменить стратегию.

На сегодня кряшенское движение в Татарстане представлено ООК РТ¹ и его филиалами (национально-культурными автономиями в районах республики). Данная организация не выдвигает политические требования и проводит умеренную этническую мобилизацию. Если смотреть на теорию Хатчинсона, то это можно назвать вариантом культурного национализма.

При этом фактически главные цели кряшенского движения были достигнуты (включение в Ассамблею народов Татарстана и т.д.). Важно заметить, что кряшенское население выражает удовлетворение нынешним состоянием дел и не поддерживает радикальные воззрения отдельных активистов.

Стоит уделить внимание и идентичности кряшенского населения, так как именно идентичность является точкой отсчёта для этнополитической мобилизации этнических групп.

Отметим, что кряшенское население, как оказалось, не имеет достаточно чёткой идентичности, представлений о границах своей группы, истории и этнокультурных особенностей [13, 260].

¹ Общественная Организация Кряшен Республики Татарстан (ООК РТ)

На первый взгляд данный тезис кажется излишне радикальным, но если присмотреться к данным, то мы увидим правоту исследовательского коллектива из Казанского Федерального университета.

Во-первых, возникает вопрос о самоназвании исследуемой этнической группы. В целом по Татарстану, среди респондентов «кряшенского» опроса Казанского Федерального университета, превалирует не только эндоэтноним «кряшены» – 78,2 %, но и «крещённые татары» – 17,2 % [10, 200]. При этом авторы отмечают интересные детали идентичности в области самоназвания. Например, в Кайбицком районе Татарстана этнонимы «кряшен» и «крещённый татарин» имели синонимичное значение для кряшенского населения, а, например, в селе Ташкирмень Лаишевского района респонденты чётко разделяли два обозначения и говорили, что они «кряшены» [10, 200]. Это объясняется тем, что в селе Ташкирмень (и в большинстве поселений, где проводились опросы кряшенского населения) представители данной этнической группы живут компактно, и этнический состав этих сёл гомогенный. Следовательно, имеет место быть ограниченность социальных связей населения, в основном только на своих односельчанах.

Во-вторых, вызывает большие вопросы и стремление выделить отдельный «кряшенский» язык из татарского языка. «Кряшенский» язык является «народным» языком, то есть местным диалектом татарского языка. Дело в том, что в «кряшенском» языке действительно присутствует меньше арабизмов, чем в татарском. Это объясняется особенной ролью христианства в формировании такого этноконфессионального субэтноса, как кряшены.

В наше время из-за урбанизации и глобализации поле применения «народного» языка резко снижается. В подтверждение этого можно отметить исследование Г.А. Никитиной, где проводится опрос кряшенского населения республики Татарстан по поводу родного языка. В итоге, 78,5 % респондентов отметили татарский язык как родной [7, 74].

В-третьих, основой кряшенской идентичности выступает религиозный фактор.

Е.В. Баркар в 2005 и 2006 гг. провёл ряд полевых экспедиций в республике Татарстан, где изучал современную религиозность кряшенского населения. Его исследования показали, что в кряшенской среде существуют особенные формы религиозных обрядов и верований, не всегда совпадающие с ортодоксальным православием [1].

Например, в ходе полевых экспедиций, в результате опроса представителей данной субконфессиональной группы, отмечались особенности в православном вероисповедовании. Эти особенности можно разделить на две группы.

Одна часть особенностей вызвана объективными причинами (дефицит священнослужителей из кряшенской среды и малое количество храмов). Это вызвано периодом советского гонения на православную церковь (разрушение

церквей, запрет на строительство новых), а не деятельностью региональных властей. В настоящее время руководство Татарстана делает всё возможное для строительства новых храмов (в том числе и кряшенских приходов). Так же выделяются места в Казанской духовной семинарии для подготовки этнических [кряшенских] кадров для служения на родном языке.

Из-за недостаточности священников распространена практика выбора из числа жителей села человека, который в глазах односельчан считается особо религиозным [1]. Этот человек выполняет ряд действий, которые вправе выполнять лишь духовное лицо (крещение детей, собирать людей на молитву).

Вторая часть особенностей связана с влиянием традиционных верований [1].

Для нас интересен случай с празднованием Петрова дня (Питрау). Петров день – это, естественно, церковный праздник. При этом широко распространена практика, при которой церковный праздник у кряшен сопряжён с более древними обычаями и традициями. Под вечер Питрау напоминает скорее аналог татарского сабантуя с массовыми гуляниями, чем церковный праздник. Мнение Церкви, в данном случае, можно выразить одним из комментариев из социальной сети «ВКонтакте», оставленным представителем православного духовенства: «... празднику Питрау должна предшествовать литургия, ибо праздник Петра и Павла не кряшенский сабантуй».

Если мы обратимся к теории национализма Джона Хатчинсона, то увидим, что религия играет важную роль в построении национализма определённой этнической группы. При этом необходимо отметить, что религию, в данном случае, необходимо понимать не как одну из мировых религий, а как «родноверие».

«Родноверие» – это ряд верований, убеждений и религиозный опыт, который разделяет данная этническая группа. «Родноверие» представляется в качестве гарантии сохранения родного культурного опыта, своей идентичности.

Карина Айтамурто из Хельсинского университета отмечает, что «родноверие» играет важную роль в восстановлении подлинных и аутентичных национальных ценностей и освобождает этническую группу от влияния иных доминирующих групп [13, 103]. Если мы говорим про кряшен, то, в данном случае, – от влияния русского и татарского народа.

Особенный интерес вызывают идеи Хатчинсона о нации как общественной жертве и о значении памяти в воспроизводстве нации. Хатчинсон отмечает, как мы уже писали выше, особую роль войн в создании или воссоздании национальной идентичности. В широком смысле войны можно интерпретировать как точки бифуркации для нации. В случае с кряшенским движением точкой бифуркации является взятие Казани Иваном Грозным в 1552 г., а её символом – религия, а точнее, время принятия христианства.

Кряшенские активисты подчёркивают, что данная этническая группа является отдельным тюркским этносом, которые приняли христианство ещё

до взятия Казани, из язычества. Это даёт широкие возможности для конструирования разного рода мифов в сознании населения. Дискурс о «времени принятия христианства» является краеугольным камнем современной этнической мобилизации (как в умеренном варианте ООК РТ, так и у радикальных активистов).

Вопрос времени принятия христианства тянет за собой и другой, даже более значимый вопрос – вопрос о происхождении. М.С. Глухов, например, считает, что кряшены ведут своё происхождение не от старокрещённых татар, а от «керчинов», которые жили в районе горного массива Куньлунь (а те, в свою очередь, являются потомками арийских племён из Северной Индии) [8, 92].

При всей фантастичности теории происхождения кряшен от арийцев, это не кажется чем-то удивительным при рассмотрении общей практики мифологизации происхождения у разных этнических групп.

Причём для этой конструкции совершенно не важна география расселения народа, его культурные особенности, так как арийский миф имеет много вариаций (например, «тюркское арийство», «славянское арийство» и многие другие). Таким образом, «арийский миф» – это миф о происхождении, который выполняет и существенную инструментальную функцию на уровне отдельных этнических (субэтнических, субконфессиональных) групп для оправдания, в первую очередь, культурного национализма, противопоставляя представителей данного сообщества (потомков «арийцев»), чуждому (а подчас и враждебному) Другому (внешнему окружению).

Современная исследовательница этого вопроса, французский политолог Марлен Ларюэль, широко ссылаясь на Э. Хобсбаума, отмечает, что арийский миф является частью глобальной модернизации идентичности, которая частично определяется изобретением традиций [18, 284]. И действительно, если мы возьмём XIX в. и старокрещённых татар, то увидим, что из них никто никогда не задумывался о происхождении своей группы. И на первом этапе «культурного преднационализма» в XIX в. вопросы происхождения православные просветители не ставили. Вопросы, связанные с происхождением, стали возникать значительно позже, когда уже нужно было на что-то опереться в выстраивании особенной кряшенской идентичности и доказательности самостоятельности кряшен как этноса.

Виктор Шнирельман по данному вопросу считает, что арийский миф (миф о происхождении) необходим при формировании любой нации, которая испытывает кризис недостаточности идентичности [19, 123]. Распространение мифа об особенности и самостоятельности кряшенского этноса является психологической и идеологической основой для этнической сплочённости.

Миф о происхождении уже достаточно сильно укоренился в сознании кряшенского населения. Это интересно в свете теории Джона Хатчинсона, которая отмечает особую роль самопожертвования членов этнического сооб-

щества при формировании идентичности. В настоящее время (примерно с конца 80-х гг. XX в.) явно прослеживается миф о «притеснении кряшен». Особенно он развит за пределами Татарстана.

Естественно, никакого притеснения кряшенского населения в Татарстане нет. Кряшены, например, входят в Ассамблею народов Татарстана и пользуются такими же равными правами и поддержкой, как и всё другое население.

Чтобы подтвердить этот тезис, обратимся к данным исследования, которое провела Т. А. Титова. Например, кряшены оценили ситуацию как стабильную и спокойную даже выше, чем русские [11, 183]. Особенно стоит выделить данные о «возможности межконфессиональных конфликтов из-за политического руководства Татарстана». В результате среди кряшенского населения данный показатель (15,8 %) намного ниже, чем, например, аналогичный показатель у русских (21,8 %) [11, 184]. Это лишний раз показывает несостоятельность утверждений о притеснении кряшен в Татарстане.

Подводя итоги, хочется отметить, что теорию национализма Джона Хатчинсона можно использовать для изучения совершенно разных национальных движений, в том числе и в России.

По вопросам кряшенского движения можно сделать следующие выводы:

1. Кряшенское движение – это продукт этнической мобилизации, которая началась с этапа православной просветительской деятельности Н. Ильминского и его сподвижников.

2. Отмечается чрезвычайная роль «этнической» интеллигенции в национальном движении. При этом процесс появления этой интеллигенции мог затянуться, если бы не Н. Ильминский и В. Тимофеев, которые приложили большие усилия для просвещения кряшенского населения (создание кряшено-татарской школы; грамотный перевод Библии и Евангелия согласно особенностям «народного» языка; создание алфавита).

3. Были выделены этапы чередования политического и культурного национализма в кряшенском движении, согласно теории Хатчинсона¹.

4. Было выявлено, что у кряшенского населения нечётко структурированы представления о границах своей группы, истории и этнокультурных особенностях (отсутствие чёткого эндоэтнонима группы; «народный» характер «кряшенского языка» – диалект татарского языка).

5. Основа кряшенской идентичности – религия (с особенными формами религиозных обрядов и верований).

6. В конструировании этнического самосознания кряшен точкой бифуркации является взятие Казани Иваном Грозным в 1552 г. (тезис о принятии христианства до 1552 г.).

¹ Первый выделенный период (от начала деятельности Н. Ильминского до 1917 г.) не совсем можно отнести к этапу культурного национализма, он выделяется как «предкультурный национализм».

7. Миф о происхождении (разновидность «арийского мифа») уже достаточно сильно укоренился в сознании кряшенской общественности.

8. В Татарстане благоприятное состояние этноконфессиональных отношений. Существующее заблуждение за пределами РТ о притеснении кряшен не выдерживает никакой критики.

Библиографический список

1. Баркарь Е.В. Старокрещённые и новокрещённые татары // Альманах «Альфа и Омега». 2009. № 57. URL: <http://www.pravmir.ru/starokreshhyonyie-i-novokreshhyonyie-tataryi/> (дата обращения 09.06.2017). [*Barkar' E.V. Old-baptized and new-baptized Tatars // Alpha and Omega. 2010. No. 57. Available at: http://www.pravmir.ru/starokreshhyonyie-i-novokreshhyonyie-tataryi/ (accessed 09.06.2017).*]
2. Баркарь Е.В. Роль православных миссионеров в формировании идентичности кряшен // Научный журнал. 2016. № 4. С. 45–49. [*Barkar' E.V. The role of Orthodox missionaries in the formation of Kryashens' identity // Science Magazine. 2016. No. 4. P. 45–49.*]
3. Илизарова В.В. Этническая идентичность кряшен и институты её поддержания // Этносоциум. 2012. № 11. С. 84–90. [*Ilizarova V.V. Ethnic identity of the Kryashens and institutions of its maintaining // Etnosocium. 2012. No. 11. P. 84–90.*]
4. Исхаков Р.Р. Освещение истории и религиозной культуры татар-кряшен волго-уральского региона в дореволюционной историографии // Кряшенское историческое обозрение. 2015. № 1. С. 20–56. [*Iskhakov R.R. Interpretation of history and religious culture of the Kryashens in the Volga-Ural region in pre-revolutionary historiography // Kryashen Historical Review. 2015. No. 1. P. 20–56.*]
5. Исхаков Д.М. Перепись населения и судьба нации // Татарстан. 2002. № 3. С. 18–23. [*Iskhakov D.M. The census of population and fate of the nation // Tatarstan. 2002. No. 3. P. 18–23.*]
6. Мавлютова Г.Ш. Христианизация мусульман Тобольской губернии в начале XX в. // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 411. С. 201–206. [*Mavlyutova G. Sh. Christianization of Muslims of Tobolsk Province at the beginning of the 20th century // Tomsk State University Journal. 2016. No. 411. P. 201–206.*]
7. Никитина Г.А. Кряшены Удмуртии: этнокультурный портрет // Вестник Удмуртского университета. Серия история и филология. 2012. № 5–3. С. 73–81. [*Nikitina G.A. The Kryashens in Udmurtia: ethnocultural portrait // Bulletin of Udmurt University. Series History and Philology. 2012. No.5. P. 73–81.*]
8. Овчинников А.В. Арийский миф в национализмах современного Татарстана // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 415. С.

- 86–101. [*Ovchinnikov A.V.* The Aryan myth in nationalisms of modern Tatarstan // *Tomsk State University Journal*. 2017. No. 415. P. 86–101].
9. Сулейманова Ю.Ф. Процесс христианизации нерусских народов Оренбургского края и проблема обратного перехода в ислам в XIX в. // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Сер.: История. Политология. 2011. № 1 (96). Выпуск 17. С. 145–150. [*Suleimanova Yu.F.* The process of Christianizing of non-Russian people in Orenburg region and the problem of reverse conversion to Islam in the 19th century // *Belgorod State University Scientific Bulletin. History. Politicalscience*. 2011. No. 1 (96). Issue 17. P. 145–150].
10. Титова Т.А., Хуснутдинова К.Ю. Этноконфессиональная группа крышен: трансформация идентичности и современные этнокультурные процессы // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2016. № 5 (67). С. 199–202. [*Titova T.A., Khusnutdinova K.Yu.* Ethno-confessional group of the Kryashens: transformation of identity and contemporary ethno-cultural processes // *Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice*. 2016. No. 5 (67). P. 199–202].
11. Титова Т.А. Внутригрупповая консолидация и межконфессиональная дистанция православного населения Республики Татарстан // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 12 (часть 1). С. 183–186. [*Titova T.A.* Intra-group consolidation and inter-confessional distance of Orthodox population in the Republic of Tatarstan // *Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice*. 2014. No. 12. Part 1. P. 183–186].
12. Этнография татарского народа. Казань, 2004. 287 с. [Ethnography of the Tatar people. Kazan, 2004. 287 p.].
13. AitamurtoKaarina. Paganism, Traditionalism, Nationalism. Narratives of Russian Rodnoverie. N.Y., 2016. 222 p.
14. Conversi Daniele. Mapping the field: theories on nationalism and the ethno-symbolic approach // *Nationalism and Ethnosymbolism. History, culture and ethnicity in the formation of nations*. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2007. P. 15–30.
15. Existing Research Review Republic of Tatarstan / Edited by V. Sakaev. February 2015. Available at: <http://www.allmeet.org/upload/D2.1%20Existing%20research%20reviews%20Tatarstan%20-%20final%20version%20EN.pdf> (accessed 29.09.2017).
16. Hutchinson John, Delanty Gerard, Kaufmann Eric, ÖzkirimliUmut, Wimmer Andreas. Debate on John Hutchinson's "Nations as Zones of Conflict" // *Nations and Nationalism*. 2008. Volume 14. Issue 1. P. 1–28.

17. *Hutchinson John*. Nationalism and war. Oxford: Oxford University Press, 2017. 240 p.
18. *Laruelle Marlène*. Alternative identity, alternative religion? Neo-paganism and the Aryan myth in contemporary Russia // *Nation and Nationalism*. 2008. No. 14 (2). P. 283–301.
19. *Shnirelman Victor*. Hyperborea: the arctic myth of contemporary Russian radical nationalists // *Journal of Ethnology and Folkloristics*. 2014. Vol. 8 (2). P. 121–138.
20. *Titova T.A., Kozlov V.E., Guschina E.G.* Ethno-Confessional Group of the Kryashens: Transformation of Identity and Modern Ethno-Cultural Processes // *Journal of Sustainable Development*. 2015. Vol. 8. No. 4. P. 260–267.

**PRACTICE OF ETHNIC MOBILIZATION THROUGH
JOHN HUTCHINSON'S THEORY OF NATIONALISM
(A CASE STUDY OF THE KRYASHENS' MOVEMENT)**

A.E. Denisov

Research Fellow, Center for Islamic Studies, Tatarstan Academy of Sciences

The article analyzes John Hutchinson's theory of nationalism and is the first attempt to study the Kryashens' movement in the light of this theory. The study identifies the key characteristics of the Kryashens' movement (the construct of ethno-political mobilization; the initial special role of the Orthodox missionaries; the stages of the alternation of cultural and political nationalism; the features of identity; the special importance of the myth of origin, etc.).

Keywords: Aryan myth; John Hutchinson; identity; intellectuals; Kryashens; nationalism; national movements; national symbols; Rodnoverie; ethnic mobilization.